

Г. И. Успенский. Собрание сочинений в девяти томах. Том 1

Подготовка текста и примечания Н. И. Соколова

М., ГИХЛ, 1956

[OCR Бычков М. Н.](#)

1

-- Не окрестите ли, барин, мальчишку у меня?

-- С удовольствием... Когда будут крестить?

-- Завтра поутру... Так норовим -- между утреней и обедней, часу в седьмом... Коли что, ежели будет ваше согласие, так мы с подводкой к седьмому-то часу подъедем?

-- Я и так дойду, тут всего до церкви верста... Погода отличная.

-- Это точно... Ну, благодарим вас покорно!..

Такой разговор происходил однажды вечером, летом между мною и крестьянином деревни Язевой, Марком Ивановым. Деревня Язевое лежит в трехстах верстах от Петербурга, как раз на половине дороги из Петербурга в Москву, и в двадцати верстах от одной из железнодорожных станций. Наскучив петербургскими дачами, я задумал провести прошлое лето где-нибудь в глуши, в тиши настоящей деревни, и был необыкновенно рад, когда, ежедневно просматривая газетные объявления об отдающихся на лето дачах, напал, наконец, на объявление о такой именно даче, какая и была мне нужна... Триста верст от Петербурга и двадцать верст от станции по проселку -- это, уж наверно, настоящая деревня... В половине апреля, когда в полях лежал еще снег, я отправился нанимать эту усадьбу. В самом деле, место было чисто деревенское, и я тотчас же согласился на условия, предложенные мне хозяйкой дома, а в половине мая и совсем переехал сюда на жительство.

Но, странное дело (хотя совершенно понятное), долгое житье в городах сделало то, что, при всем желании отдохнуть и провести лето "не так, как на даче", дела пошли, помимо моей воли, как нарочно, совершенно по-дачному, то есть: прогулки, петербургские знакомые, газеты -- и ничего, ничего-таки деревенского. Дачный образ жизни, среди деревенской обстановки -- куда нескладная и некрасивая вещь! Знакомиться с крестьянским населением я не мог, так как у меня не было к этому предлога, а жить, не имея связи с окружающим, -- и скучно и трудно. Вот почему я несказанно был рад, когда Марк Иванов, крестьянин, у которого я несколько раз покупал рыбу и раков, пригласил меня крестить. Благодаря этому приглашению, у меня являлся законный предлог войти в крестьянский дом, иметь в деревне знакомых и хоть мало-мальски войти в круг чуждых мне интересов деревенской жизни.

И действительно, с этого дня я стал чувствовать себя менее одиноким, менее отчужденным от людей, которых каждый божий день видел перед моими глазами. Понемногу стали завязываться знакомства, понемногу стала раскрываться тайна существования этих бедных лачужек, этих молчаливых улиц и переулков, этой непонятной будничной, трудовой жизни. А главное, благодаря приглашению Марка Иванова, мне удалось встретить весьма любопытный тип человека, попробовавшего на деле проделать ту вещь, которая на газетном языке называется "слиянием", и притом прочно убедиться в том, что в русской живой действительности существуют такие положения, которые роковым образом могут привести так называемого интеллигентного человека в деревню, к крестьянскому плетню, к намерению выйти из своей интеллигентной шкуры и стремиться войти в среду совсем уж не интеллигентную, прямо - "чужую".

Буду, однако, продолжать начатый рассказ.

2

На другой день утром, ровно в шесть часов, я отправился в церковь. Всю ночь лил дождь, дорога размокла, и короткий путь в полторы версты я месил по грязи никак не менее часу. Дорога шла в гору, была скользка и изрыта глубокими рытвинами; дождь не переставал сеять непрерывно; крупные дождевые капли от малейшего дуновения ветра ливнем крупных капель слетали с деревьев, под которыми